

Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа¹

М. А. Карцева, Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская

Марина Анатольевна Карцева, кандидат экономических наук, заместитель директора по науке, Центр «ИНСАП» Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: kartseva-ma@ranepa.ru

Никита Владимирович Мкртчян, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Центр «ИНСАП» Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: nmkrтчян@hse.ru

Юлия Фридриховна Флоринская, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «ИНСАП» Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 119571 Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: florinskaya-yf@ranepa.ru

Аннотация. В статье анализируется миграция между сельской местностью и городами в России, при этом особое внимание уделяется современному периоду развития процесса. Миграционная убыль сельского населения несколько сократилась. Однако отток населения из сельской местности в значительной степени сглаживается за счет разнонаправленных процессов в пригородах и периферийных селах. Как показывают данные Росстата, сельская глубинка продолжает испытывать сильную миграционную убыль, в то время как пригородное село интенсивно прирастает за счет миграции. На основе микроданных социологического обследования «Человек, семья, общество», проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2020 году, выполнен эконометрический анализ связи сельско-городской миграции с положением людей на рынке труда и их доходами. Он показал, что индивидуальные решения о переезде из сельской местности в город являются рациональными и экономически обоснованными. Миграция из села в город улучшает положение людей на рынке труда, дает выигрыш в заработной плате, ведет к росту душевых доходов. Мотивы миграции из села в город, социально-экономические предпосылки этого процесса подтверждены результатами серии глубинных интервью, проведенных летом 2023 года.

Ключевые слова: сельская местность, сельское население, города, сельско-городская миграция, занятость, зарплаты, доходы

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-153-179

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Несмотря на то что сельско-городская миграция в России является «традиционным» направлением отечественных исследований (Миграция сельского населения, 1970; Зайончковская, 1991), современные исследователи уделяют ей мало внимания. Пропорции городского и сельского населения в стране в настоящее время не демонстрируют резких изменений, в отличие от бурного века ускоренной урбанизации. Одновременно, несмотря на определенный прогресс со статистическими данными и появление новых методов анализа сельского населения и составляющих его динамики, доступной информации не так много, а в той, что есть, не просто разобраться. На этом фоне периодически возникают дискуссии среди лиц, принимающих решения, например, о миллионах «лишних» сельских жителей в трудоспособном возрасте, которых надо ускоренно включать в рынки труда крупнейших городских агломераций², или, наоборот, о возможности массового обратного переселения из городов в села³, или даже о значительном числе россиян, готовых это сделать в ближайшее время⁴. Тема миграции из города в село поднимается и в ряде научных работ, однако там речь не идет о массовых процессах (Овчинцева, 2022; Покровский, Никулин, 2023).

В данной статье оцениваются масштабы миграции между сельской местностью и городами России за постсоветский период с использованием данных официальной статистики и всероссийских переписей населения. Другим важным фокусом работы является исследование обоснованности выбора миграционной стратегии жителями сельской местности. Для этого на основе данных национально репрезентативного выборочного обследования проводится эконометрическая оценка связи миграции с положением индивидов на рынке труда и их доходами.

Для углубления понимания мотивов миграции из сельской местности в города результаты проведенного статистического и эконометрического анализа сопоставляются с материалами экспертных интервью, взятых авторами в ходе качественного социологического исследования у специалистов органов местного самоуправления (муниципального уровня) двух регионов — Тамбовской и Нижегородской областей, а также глубинных интервью с молодыми мигрантами, переехавшими из сельской местности в города в последние пять лет с целью получения образования. Всего было взято

2. Собянин рассказал о 15 млн «лишних» россиян. РБК. 25.11.2017. <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2017/5a1983c9a7947c5662c64fe?from=copy>

3. Валентина Матвиенко рассказала об интересе россиян к переезду за город. Российская газета, 22.05.2022. <https://rg.ru/2022/05/22/valentina-matvienko-rasskazala-ob-interese-rossiian-k-pereezdu-za-gorod.html>;

Матвиенко призвала популяризировать сельскую жизнь и поддерживать сельских блогеров. ТАСС. 16.05.2023. <https://tass.ru/obschestvo/17759377>

4. Названа доля желающих покинуть города россиян. Lenta.ru. 14.09.2023. https://lenta.ru/news/2023/09/14/pereezd_zagorod/

16 экспертных интервью с руководителями муниципальных районов (округов), отделов экономики, сельских администраций (территориальных отделов) и сельхозпредприятий, а также 10 глубинных интервью с «образовательными» мигрантами (информанты были найдены методом «снежного кома»).

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа

Сельско-городская миграция в количественном измерении

На протяжении многих десятилетий сельское население России сокращалось в результате миграции. На ранних этапах урбанизации именно это обеспечивало быстрый, а в отдельные годы (индустриализация, 1930-е) — взрывной рост городского населения страны (Рыбаковский и др., 1988; Зайончковская, 1999). Одновременно эта миграция вела к депопуляции прежде заселенных сельских территорий (Иоффе, Нефедова, 2004). Однако за последние три десятилетия роль миграции в динамике численности сельского населения России менялась.

Сразу после распада СССР миграционный потенциал населения России резко вырос, в отдельные годы он достигал 1 млн человек и был представлен в основном «репатриацией русских» из бывших республик СССР в Россию. Этот миграционный приток подпитывал не только городское, но и сельское население, в результате чего оно за несколько лет практически компенсировало потери последнего советского десятилетия. Однако основная часть миграционного прироста пришлась на первую половину 1990-х годов, тогда как во второй половине его показатели снижались как по стране в целом, так и в сельской местности. Более того, далеко не все переселившиеся в село, в большинстве — в прошлом жители крупных городов бывших советских республик, остались в нем надолго. За 1991–1995 годы миграционный прирост сельского населения составил 975 тыс. человек, за 1996–2000 годы, на фоне снижения волны репатриации и вынужденной миграции из бывших республик, — 135 тыс. человек. После этого сельское население в результате миграции, согласно данным текущего учета, почти всегда сокращалось (табл. 1).

Всероссийские переписи населения (ВПН) 2002, 2010 и проведенная в 2021 году перепись 2020 года, в результате которых численность населения России оказывалась выше оценок Росстата на основе данных текущего учета населения на 1,7, 0,9 и 1,4 млн человек, соответственно, корректировали и миграционный прирост сельского населения (табл. 1). За первый межпереписной период миграционный прирост был скорректирован всего на -16,4 тыс. человек. В этот период нерегистрируемая международная миграция в Россию, в том числе в сельскую местность, позволяла корректировать миграционный прирост вверх, а недоучитываемый отток из села в город — усиливал миграционную убыль. Наложение этих двух

тенденций привело к тому, что отток сельского населения был скорректирован в малой степени. В следующий межпереписной период (2003–2010) миграционный прирост сельского населения был скорректирован на -570 тыс. человек, что могло быть следствием меньшего неучтенного притока в сельскую местность международных мигрантов и возросшего недоучета переезда сельских жителей в города. В последний межпереписной период (2011–2021) миграционный прирост сельского населения был впервые существенно скорректирован Росстатом в сторону увеличения, во второй половине 2010-х годов он сменил знак с отрицательного на положительный. Очень большое отклонение «вверх» по итогам переписи показало сельское население Московской области — более чем на 400 тыс. человек, или на 28,6%.

Мы не можем не признать, что данные российских переписей вызывают много вопросов, особенно это касается регионов Северного Кавказа и крупнейших агломераций (Андреев, 2012; Мкртчян, 2011). Тем не менее данные, полученные в ходе переписей, нельзя не принимать во внимание, на них базируются оценки численности населения как России в целом, так и отдельных ее регионов и населенных пунктов.

Таблица 1. Миграционный прирост (убыль) сельского населения России в 1989–2021 гг. с учетом и без учета корректировок от итогов ВПН-2002, 2010 и 2020 гг., тыс. человек

	До корректировок переписей	После корректировки в 2002 и 2010 гг.	Корректировка
1989	-272,9
1990	-72,6	-74,2	-1,6
1991	57,4	62,0	4,6
1992	289,5	308,5	19,0
1993	264,0	265,9	1,9
1994	272,4	291,1	18,7
1995	96,2	47,6	-48,6
1996	34,2	23,7	-10,5
1997	56,4	32,8	-23,6
1998	44,5	31,0	-13,5
1999	60,6	49,9	-10,7
2000	4,8	-2,6	-7,4
2001	-86,7	-51,9	34,8
2002	-47,2	-26,7	20,5
2003	-34,7	-90,5	-55,8

2004	-28,6	-108,8	-80,2
2005	-22,6	-117,4	-94,8
2006	-28,1	-109,0	-80,9
2007	-9,1	-50,9	-41,8
2008	-22,1	-60,6	-38,5
2009	-2,6	-47,8	-45,2
2010	-96,0	-228,8	-132,8
2011	-149,9	-91,4	58,5
2012	-166,6	-74,2	92,4
2013	-176,8	-153,5	23,3
2014	-137,8
2015	-46,8	5,4	52,2
2016	-36,4	10,4	46,8
2017	-46,5	-7,9	38,6
2018	-69,4	-43,3	26,1
2019	10,1	3,1	-7,0
2020	-7,7	30,6	38,3
2021	34,7	54,5	19,8
2022	-19,1

Источники: Демографические ежегодники России 2002, 2005, 2009, 2021, 2023 гг.; Статистические бюллетени «Численность и миграция населения Российской Федерации в 1993–2022 гг.»

В целом за 1989–2021 годы сельское население сократилось более чем на 3,3 млн человек (без учета присоединения Крыма), естественная убыль составила 4,6 млн человек, миграционная убыль, если принять во внимание корректировки после трех переписей, — 0,5 млн. При этом за счет административно-территориальных и муниципально-территориальных преобразований (АТП и МТП) — перевода городских населенных пунктов в сельские (и обратно) — сельское население увеличилось на 2,8 млн человек (табл. 2), т.е. около 2% жителей России из горожан стали сельчанами, не меняя места своего проживания. Преобразование городских населенных пунктов в сельские явно преобладало над преобразованием сельских населенных пунктов в города (как было в советский период). Эти преобразования в основном были оправданы, т.к. качество жизни во многих пгт и малых городах мало отличается от сельского, да и по облику эти поселения скорее напоминают сельские населенные пункты.

Таблица 2. Оценка изменений численности сельского населения России по компонентам, 1989–2021 гг., тыс. человек

	Общий прирост (убыль)	Естественный прирост (убыль)	Миграционный прирост (убыль)	АТП и МТП*
1989–2002	-493,9	-2111,5	684,2	933,4
2003–2010	-1198,2	-1489,4	-813,8	1105,0
2011–2021	-667,3	-1029,7	-404,1	766,4
Итого, 1989–2021 гг.	-2359,4	-4630,6	-533,7	2804,8

Источники: Авторская оценка на основе: Демографические ежегодники России 2002, 2005, 2009, 2021 гг., Статистические бюллетени «Численность и миграция населения Российской Федерации в 1993–2022 гг.»

* — с учетом присоединения Р. Крым и г. Севастополь; единовременный прирост сельского населения за 2014 г. в связи с этим составил порядка 964 тыс. человек. Также с учетом единовременного «признания» 220,8 тыс. сельского населения г. Москвы городским после ВПН-2020.

В результате, без учета АТП, почти 90% сокращения численности сельского населения в 1989–2021 годах обеспечила естественная убыль, около 10% — миграционный отток. При этом в 1989–2002 годах миграционный прирост компенсировал почти треть естественной убыли сельского населения, в 2003–2010 на него пришлось 35% общей убыли сельского населения, в 2011–2021 — 28% (без учета АТП). Мы полагали, что роль миграционной убыли в сокращении численности сельского населения в 2010-е годы возрастет, однако корректировки от итогов ВПН-2020 убыль, напротив, сократили.

С одной стороны, изменение методики учета миграции в России с 2011 года резко сократили недоучет миграции, включив в разработку данные о зарегистрированных не только по месту жительства, но и по месту пребывания. Тем самым Росстат привел учет миграции в России в соответствие с Рекомендациями ООН в области международной миграции (Чудиновских, 2019), сделал видимыми для статистики до того латентные потоки учебной миграции, и в целом увеличил учитываемую внутророссийскую миграцию с 2 млн в год в 2000-е годы до 4 млн в год в 2010-е годы, а потоки учитываемой международной миграции — в несколько раз.

С другой стороны, новая методика учета породила так называемый «автовозврат», в результате которого лица, у которых закончилась регистрация по месту пребывания, автоматически «выбывают» в населенные пункты регистрации по месту жительства. В местах устойчивого оттока населения, прежде всего — молодежи, это ведет к завышению зарегистрированного населения и снижению фиксируемого статистикой миграционного оттока (Мкртчян,

2023) и перетока населения между сельской местностью и городами (Мкртчян, Гильманов, 2023).

При этом интервью подтверждают малый процент реального возврата молодежи.

— Я брала... десять лет последних выпусков 11-х классов, выпускников, и тех, которые отучились, но вернулись. Я могу только вот такое вам сказать: 4% возвращаются (Большеболдинский ТО).

— Нас 14 человек было к окончанию 11-го класса, и у нас двое в Москве, один в Питере, четверо во Владимире, и все остальные в Нижнем Новгороде (А., Муром).

В 2011–2021 годах сельское население участвовало в 22,9 млн, или 53,4% всех внутристрановых переселений в России (табл. 3), — либо в качестве выбывшего в города (колонка 3), либо принимающего бывших жителей города (колонка 4), либо перемещающегося между отдельными сельскими населенными пунктами. Из всего объема внутристрановых переселений (столбец 1 табл. 3) 18,8 млн, или 43,9%, совершались между городскими поселениями и сельской местностью, 20 млн, или 46,6%, — только между городскими населенными пунктами, и лишь 9,5% — между сельскими населенными пунктами, т.е. в пределах сельской местности.

Таблица 3. Миграция по видам населенных пунктов, 2011–2021 гг., тыс. человек и в %

	Вся миграция в пределах России	Из нее:			
		Из городских в городские	Из сельских в городские	Из городских в сельские	Из сельских в сельские
		1	2	3	4
2011	3058,5	1300,0	821,7	590,7	346,1
2012	3778,5	1677,1	967,5	732,5	401,4
2013	4014,6	1819,8	1013,2	768,5	413,2
2014	4046,4	1860,2	999,8	795,2	391,2
2015	4135,9	1932,9	967,8	848,3	386,9
2016	4131,3	1942,1	955,6	857,9	375,7
2017	4184,5	2011,1	952,8	855,0	365,6
2018	4345,9	2083,4	994,7	893,4	374,4
2019	4048,5	1933,5	908,0	844,4	362,7
2020	3526,6	1708,9	770,9	730,2	316,6
2021	3609,5	1708,6	811,0	754,9	335,0
ИТОГО	42 880,1	19 977,6	10 163,0	8670,9	4068,6
В процентах					

М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская
Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа

2011	100,0	42,5	26,9	19,3	11,3
2012	100,0	44,4	25,6	19,4	10,6
2013	100,0	45,3	25,2	19,1	10,3
2014	100,0	46,0	24,7	19,7	9,7
2015	100,0	46,7	23,4	20,5	9,4
2016	100,0	47,0	23,1	20,8	9,1
2017	100,0	48,1	22,8	20,4	8,7
2018	100,0	47,9	22,9	20,6	8,6
2019	100,0	47,8	22,4	20,9	9,0
2020	100,0	48,5	21,9	20,7	9,0
2021	100,0	47,3	22,5	20,9	9,3
ИТОГО	100,0	46,6	23,7	20,2	9,5

Источник: Росстат, неопубликованные данные, полученные по запросу

При этом в таблице видно, что абсолютные показатели миграции (и доля в общем миграционном обороте⁵), в которой участвовало сельское население, в период с 2011 по 2021 год постепенно сокращались. Уменьшалась и доля переселений между сельскими населенными пунктами. Полагаем, что основная причина этого — сокращение численности сельского населения.

Несмотря на всю огромность страны, различия природных условий и форм сельского расселения, миграция сельского населения зависит прежде всего от положения сельских населенных пунктов (СНП) по отношению к городам, возможностей участия сельских жителей в рынке труда крупных городов, использования ими социальной и иной городской инфраструктуры. Известно, что и сельское хозяйство в пригородах развивается более эффективно, чем на периферии (Иоффе, Нефедова, 2001; Нефедова, 2008; Шелудков, Рассказов, 2017), т.к. для него важны рынки сбыта продукции, которые есть в крупных городах. Различия условий жизни в пригородной и периферийной сельской местности очень существенны, что обуславливает сильные различия их миграционной привлекательности.

Анализ динамики численности населения и миграции в пригородах и на периферии показал, что пригороды растут за счет миграции темпами, превосходящими сами крупные города, вблизи которых они формируются. При этом именно сельские населенные пункты, расположенные на ближайших к крупным городам территориях, зачастую характеризуются «взрывным» ростом за счет миграции, в результате того, что их население базово невелико.

5. Миграционный оборот — показатель, характеризующий масштабы миграции, рассчитывается как сумма прибытий и убытий за временной интервал (обычно год).

Если сельские пригороды застраиваются многоквартирным жильем, то миграционный прирост за межпереписной период может увеличивать население таких населенных пунктов во много раз. В сельской глубинке такая ситуация невозможна, обычно периферийное сельское население сокращается за счет внутри- и межрегиональной миграции примерно на 1% в год.

В сельской периферии миграция зависит от размера населенного пункта. Школы, амбулатории, социальные и бюджетные учреждения, магазины доступны в крупных сельских населенных пунктах, что делает жизнь проживающего в них населения сравнительно более комфортной, чем в мелких СНП. Мелкие СНП к тому же зачастую имеют низкую транспортную доступность. Особенно это может быть важно для пожилого населения и для семей, имеющих детей школьного возраста. Кроме того, крупные сельские населенные пункты чаще всего могут быть центрами сельских поселений или даже райцентрами, что хоть немного диверсифицирует их рынки труда.

Влияние доступности базовой социальной инфраструктуры на отток сельского населения (Чучкалов, Алексеев, 2020), в частности — школ (Егоров, 2022), весьма велико. Оптимизация социальной инфраструктуры в сельской местности, активно проводившаяся в 2000-е гг. (Зубаревич, 2013) и менее активно в 2010-е годы, могла привести к дополнительному оттоку населения из малых сельских населенных пунктов. Реорганизация сети сельских школ имела региональную специфику, наиболее сильными темпами она шла в сильно депопулирующих мельчайше- и малонаселенных регионах Европейской части России (Егоров, Николаев, 2022). В свою очередь, люди пожилого возраста вследствие «обеднения сельского социального пространства» оказывались без доступа к социальным услугам и услугам здравоохранения (Фомкина, 2017), что также вынуждало их уезжать из села. При этом сельское население продолжает стареть, стареют и сельские специалисты.

— *Смотрите, я уже предпенсионного возраста, все специалисты — все пенсионного, врачи — тоже такого же примерно возраста, учителя — то же самое. ...Нет учителей, нет врачей, нет нашего класса работников* (Дегтянский ТО).

— И.: Учителя давно работают, или есть молодежь? — *Давно работают.* — И.: То есть молодежь не приезжает работать? — *Нет. ...Врачи тоже все давно. Врач у нас пожилой, ему уже около 80, 76, по-моему. И новых нет* (Отъяский ТО).

В результате разнонаправленной динамики численности пригородного и периферийного сельского населения за 2011–2021 годы, по нашей оценке, без учета АТП и МТП, численность сельских жителей пригородов крупных (с числом жителей более 100 тыс. человек) городов увеличилась с 9,4 до 12 млн человек, а численность жителей сельской периферии сократилась с 29,2 млн до 25,9 млн человек. Таким образом, пропорции сельских жителей, прожива-

ющих в пригородах и на периферии, быстро меняются не в пользу последней.

Международная миграция обеспечивает прирост сельского населения, как пригородного, так и периферийного. Тогда как в результате внутренней миграции пригородное сельское население растет, а периферийное сокращается. Расчеты показали, что за счет внутренней миграции сельское население сократилось за 2011–2020 годы на 1358,3 тыс. человек, при этом СНП, расположенные в пригородах крупных городов, увеличили население за счет миграции на 939 тыс. человек, а сельская глубинка потеряла за эти годы 2298 тыс. человек (рис. 1). Пригородная сельская местность прирастала за счет миграции из крупных городов (условно это можно назвать субурбанизацией) и за счет притока из периферии. Периферийное село теряло население не только в обмене с крупногородскими агломерациями, но и в результате оттока в периферийные средние и малые города. Без учета автовозврата приток в сельские пригороды и отток из глубинки достигают больших значений.

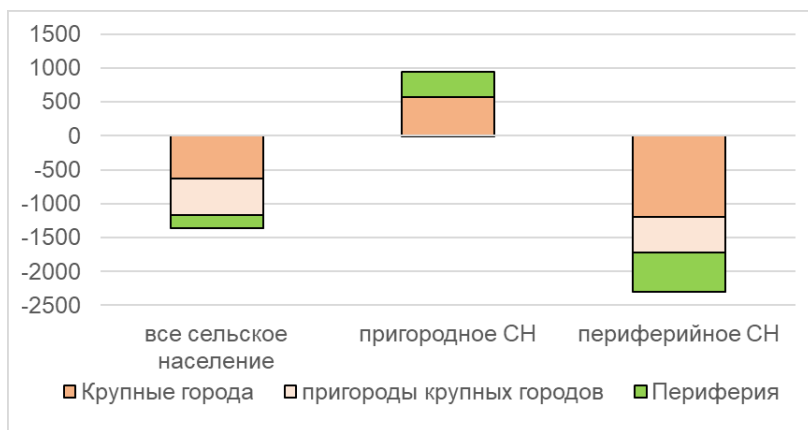

Рис. 1. Составляющие миграционного прироста (убыли) пригородного и периферийного сельского населения, миграция в пределах России, 2011–2020 гг., тыс. человек

Источник: расчет авторов на основе неопубликованных данных Росстата

Как видим, положение СНП в пригородах или во внутрирегиональной периферии оказывает ключевое влияние на их миграционную динамику. В то же время влияние зональности на миграцию сельского населения, как показали предыдущие работы (Mkrtchyan, 2019), невелико, периферийные сельские территории даже благоприятных в природно-климатическом плане регионов России также теряют население в результате миграции, но лишь немного меньшими темпами, чем село других частей страны.

На периферии способность удержать население зависит от размера СНП. Согласно нашим расчетам, в 2011–2020 годы интен-

сивность убыли населения во внутрисоссийской миграции в СНП с числом жителей свыше 3 тыс. человек составляла 3,2‰ в год, а СНП с числом жителей менее 500 человек — 11,6‰ в год. На локальном уровне миграция способствует концентрации населения в крупных и крупнейших сельских населенных пунктах.

— *Но именно выпуски уезжают, а приезжают ребята из меньших населенных пунктов, все равно как-то подрастают и дети. Все же я бы не сказала, что молодежи прям не осталось* (А., Иркутск).

Продолжается поляризация освоенных пространств (Нефедова, Трейвиш, 2020). Идут взаимосвязанные процессы — депопуляция ведет к деградации сети СНП и базовых функций по обслуживанию населения, которые, в свою очередь, ведут к дальнейшему оттоку населения из села (Ткаченко и др., 2019).

— *Сельское население, сейчас уже чувствуется, что они в основном перебираются в Сосновку, потому что, конечно, в основном здесь все — музыкальная школа, дом культуры, спорткомплекс, школы. Потому что у нас две базовых школы, они в Сосновке, остальные филиалы. ...У нас везде подвоз осуществляется, но все равно удобнее...* (экономика, Сосновский МО).

— *Особо нет большого смысла развивать наш поселок, молодые люди отсюда уезжают, остаются только старшее поколение, пьяницы и безработные. Население поселка будет постепенно уменьшаться, это неизбежно* (Е., Иркутск).

Сокращение сельского населения почти полностью представлено молодыми людьми, основной механизм оттока — переезд на учебу в города с последующим закреплением в них. При этом небольшой приток, напротив, обеспечивают люди в старших трудоспособных и пенсионных возрастах. Это усиливает старение сельского населения, но обеспечивает снижение темпов старения в городах.

— *Учиться уезжают, в принципе так они и остаются в Тамбове, или кто в Воронеже, кто в Саратове, кто в Москве* (Дегтянский ТО).

— *...Сейчас есть программы по жилью, но все равно молодежь не держится, нет у них стремления на селе жить* (с/х предприятие «Сергеевка»).

Отметим, что выявленный в ходе анализа интервью набор факторов, способствующих миграции сельской молодежи для получения образования и в дальнейшем для выстраивания будущей успешной карьеры в городе, обеспечивающем в том числе гораздо лучшие уровень и качество жизни, во многом совпадает с мотивами, описанными ранее при изучении аналогичной миграции молодежи из малых и средних городов в крупные города и столицы (Florinskaya, 2017; Карачурина, Флоринская, 2019).

— *Если сравнивать с моим селом, то это более развитая инфраструктура, конечно, больше интересных мест, где можно развиваться, больше возможностей, мне кажется, для реализа-*

ции, больше мест досуга. Колоссальная разница... Если передо мной станет дальнейший выбор — остаться здесь или уехать обратно, то скорее выберу остаться (А., Иркутск).

Экономическая обоснованность миграции: эконометрический анализ

Для того чтобы выяснить, насколько рационально решение индивидов о миграции из сельской местности в городскую, насколько оно экономически обоснованно, в работе проводится эконометрический анализ связи миграции с положением людей на рынке труда и их доходами. В частности, рассматривается связь миграции с вероятностью занятости, индивидуальными трудовыми доходами и подушевыми доходами домохозяйства, в котором проживает человек.

Данные. Построение переменных. Описательные статистики

Эмпирической основой количественного анализа связи миграционной истории и характеристик занятости и доходов индивидов являются микроданные социологического обследования «Человек, семья, общество», проведенного ИНСАП РАНХиГС в 2020 году (ЧСО-2020). ЧСО-2020 представляет собой телефонный опрос граждан РФ в возрасте от 18 до 72 лет. Общий охват обследования — 9500 респондентов. Данные ЧСО-2020 репрезентируют население РФ по полу, возрасту и типу местности проживания. Важной особенностью ЧСО-2020 является наличие информации о месте проживания респондента в разные периоды его жизни — при рождении, в момент окончания школы и в настоящее время. Сочетание информации о миграционной истории респондента и широкого спектра его социально-демографических и экономических характеристик дает возможность проведения количественного анализа связи миграционного опыта и различных аспектов жизни респондента.

В фокусе нашего исследования респонденты в возрасте от 25 до 60 лет. Мы не рассматриваем молодежь младше 25 лет, так как они достаточно часто находятся в процессе получения образования, что может оказывать существенное влияние на их поведение на рынке труда. Люди старших возрастов (старше 60 лет) также вне нашего анализа, так как подавляющее большинство из них получают пенсию и в целом уже на финише трудовой карьеры, что может исказить их стимулы к поиску работы и выбору рабочего места. Поскольку целью исследования является изучение внутренней миграции, то мы удалили из выборки респондентов, родившихся не в России (до 1992 года — не на территории РСФСР), а также людей, окончивших школу не в России (до 1992 года — не на территории РСФСР). Таким образом, общий объем выборки составил

5325 человек. Средний возраст респондента в выборке — 42 года, 44% имеют высшее образование, 80% проживают в городской местности. Подробнее социально-демографические характеристики выборки представлены в таблице П1 в Приложении.

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа

Показатель миграции

Основной показатель миграции, используемый в работе, построен на базе сопоставления информации о типе местности рождения и текущего проживания респондента (городская/сельская местность). 17% респондентов родились и в настоящее время проживают в сельской местности (табл. 4). 9% опрошенных родились в сельской местности, а проживают в городской. 70% респондентов родились и проживают в настоящее время в городской местности. Только 4% опрошенных сообщили, что родились в городе, а проживают в сельской местности.

Таким образом, среди тех, кто родился в сельской местности, 64% живут в сельской местности, а 36% — в городах. Подавляющее большинство (95%) тех, кто родился в городе, на момент опроса жили в городе. Только 5% респондентов, родившихся в городах, живут в сельской местности.

Социально-демографическая структура респондентов несколько различается в разрезе типов миграции/проживания. Люди, рожденные и проживающие в городе, в среднем моложе других групп респондентов и более образованны. Люди, которые родились и проживают в селе, реже других имеют высшее образование. Среди тех, кто родился в городе, но проживает в сельской местности, отмечается самая высокая доля людей с детьми. Подробно социально-демографические характеристики респондентов в зависимости от их места рождения/проживания показана в таблице П2 Приложения.

Таблица 4. Показатель миграции/проживания, распределение респондентов, %

Место рождения → место проживания	Доля респондентов, %
Село → Село	17,0%
Село → Город	9,4%
Город → Город	70,0%
Город → Село	3,6%
Всего	100%

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.

Положение на рынке труда

В качестве показателей, характеризующих положение индивида на рынке труда, в работе используются вероятность занятости

и размер заработной платы. Стоит отметить, что именно эти показатели часто рассматриваются как важнейшие индикаторы адаптации мигрантов (например: Pichler, 2011).

Индикатор наличия занятости принимает значение 1, если у человека есть оплачиваемая занятость на рынке труда, и 0 в противном случае. Согласно проведенным расчетам, три четверти респондентов (73%) в выборке имеют оплачиваемую работу. Минимальный уровень занятости отмечается для тех людей, которые родились и проживают в сельской местности — среди них оплачиваемую занятость имеют только 63% (табл. 5). Сходный уровень занятости отмечается в группе родившихся в городе, но проживающих в сельской местности (64%). Доля занятых на рынке труда среди уроженцев села, проживающих в городе, существенно выше — 72%. Самый высокий уровень занятости отмечается среди тех, кто родился и живет в городе — 76%.

Размер заработной платы для работающих определялся на основе информации о среднемесячном заработке за последние 12 месяцев. Для обеспечения межрегиональной сопоставимости номинальная величина заработной платы была скорректирована с учетом величины регионального прожиточного минимума (ПМ) за второй квартал 2020 года:

$$\text{wage} = (\text{wage_nom})/(\text{subs_reg}), (1)$$

где *wage* — показатель среднемесячной заработной платы, использующийся в работе, (*wage_nom*) — номинальная величина заработной платы (руб.), (*subs_reg*) — величина регионального прожиточного минимума за второй квартал 2020 года (руб.). Подчеркнем, что построенный показатель заработной платы измеряется в долях ПМ.

В среднем респонденты зарабатывали 3,1 ПМ в месяц (табл. 5). Работники, родившиеся и проживающие в сельской местности, получают 2,2 ПМ в месяц. Заработная плата работников, родившихся в селе, но проживающих в городе, несколько выше — 2,8 ПМ в месяц. Больше других зарабатывают родившиеся и проживающие в городе. Их среднемесячный заработок оценивается в 3,3 ПМ. Люди, родившиеся в городе, но проживающие в сельской местности, в среднем зарабатывают 2,6 ПМ (больше, чем зарабатывают в сельской местности уроженцы села, но меньше, чем уроженцы городов зарабатывают в городах).

Доходы

Показатель среднемесячного подушевого дохода домохозяйства в работе был построен на базе информации о совокупном доходе всех членов домохозяйства за месяц.

Формально показатель подушевого дохода в работе определялся как:

$$\text{incpr} = (\text{inc_nom})/(\text{num}*\text{subs_reg}), (2)$$

где incpr — показатель среднемесячного подушевого дохода домохозяйства, (inc_nom) — номинальная величина совокупного дохода домохозяйства (руб.), num — количество членов домохозяйства, subs_reg — величина регионального прожиточного минимума за второй квартал 2020 года (руб.). Как и заработная плата, построенный показатель подушевого дохода измеряется в долях ПМ.

Средние доходы людей, родившихся и живущих в сельской местности, существенно ниже среднего показателя, рассчитанного для всего населения (1,3 ПМ против 1,9 ПМ) (табл. 5). Доходы родившихся в селе, но проживающих в городе, несколько выше — 1,7 ПМ в месяц. Максимальные доходы наблюдаются для уроженцев городов, проживающих в городах, для этой группы оценка среднедушевых доходов составляет 2,1 ПМ. Как и в случае заработной платы, среднедушевые доходы домохозяйства для уроженцев городов, проживающих в сельской местности (1,5 ПМ), выше, чем у родившихся и проживающих в селе, но ниже, чем у тех, кто родился и живет в городе.

Таблица 5. Характеристики занятости респондентов в разрезе основных типов миграции/проживания, 2020 г.

Занятость и доходы Показатель миграции	Доля занятых, %	Среднемесячная заработная плата, ПМ ⁶	Среднедушевые доходы, месяц, ПМ ₁
Село → Село	62,6%	2,20	1,34
Село → Город	72,0%	2,83	1,73
Город → Город	75,9%	3,28	2,07
Город → Село	64,2%	2,62	1,54
Все население	72,9%	3,06	1,91

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.

Методология исследования

Проведенное сопоставление средних показателей занятости и доходов респондентов в разрезе места их рождения/проживания имеет описательный характер и формирует общую картину. Однако

6. Заработная плата и среднедушевые доходы в работе измеряются в долях прожиточного минимума в регионе.

в контексте различий социально-демографических характеристик рассматриваемых групп населения простое сравнение средних показателей может приводить к некорректным результатам. Для того чтобы получить оценки связи характеристик доходов и занятости и миграции «при прочих равных», в работе был проведен регрессионный анализ.

Для того чтобы получить оценки связи миграции и вероятности занятости при прочих равных, в работе проводится оценка следующей логит-модели⁷ (модель М1):

$$P(\text{empl} = 1) = \Lambda(\alpha * \text{migr} + x\beta), \text{ (M1)}$$

где empl — индикатор занятости индивида на рынке труда (1 — работает за плату; 0 — иначе), migr — набор основных индикаторов места рождения/проживания, x — вектор социально-демографических характеристик, которые могут оказывать влияние на положение индивида на рынке труда (возраст, пол, образование, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, регион проживания).

Для оценки связи типа миграции и заработной платы нами было использовано регрессионное уравнение минсеровского типа (Mincer, 1974). Оценка уравнения проводилась с помощью процедуры Хекмана, которая позволяет учесть смещение оценок, возникающее в результате селективности выборок (Heckman, 1979). Процедура Хекмана предполагает оценку уравнения заработной платы и оценку уравнения участия (вероятности иметь работу). В работе было оценено следующее уравнение зарплат (модель М2):

$$\ln \text{wage} = \text{migr}'\alpha + x_1'\beta_1 \text{ (M2)}$$

где $\ln \text{wage}$ — логарифм величины заработной платы, migr — набор основных индикаторов типа миграции, x_1 — вектор социально-демографических характеристик работника, потенциально оказывающих влияние на размер его заработной платы (возраст, квадрат возраста, пол, образование, регион проживания). В уравнении участия предполагается, что вероятность наличия оплачиваемой занятости зависит от факторов, определяющих как потенциальную, так и резервную заработную плату, а именно от таких факторов, как индикаторы миграции, возраст, пол, образование, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, регион проживания.

Эконометрический анализ связи подушевого дохода домохозяйства и места рождения/проживания осуществляется с помощью ли-

7. Здесь и далее логистическая модель является методом выбора, так как зависимая переменная бинарная.

нейной регрессионной модели, оцениваемой с помощью метода наименьших квадратов (модель М3):

$$\ln c_{pp} = \text{migr}'\alpha + x_2'\beta_2, \text{ (M3)}$$

где $\ln c_{pp}$ — логарифм подушевого дохода домохозяйства, migr — набор основных индикаторов типа миграции, x_2 — вектор социально-демографических характеристик, потенциально влияющих на доходы домохозяйства респондента (возраст, пол, образование, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, наличие пенсионеров в домохозяйстве, регион проживания).

Все модели оцениваются отдельно для мужчин и женщин, поскольку связь миграции и характеристик доходов и занятости может иметь гендерную специфику.

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа

Результаты

Положение на рынке труда

В таблице 6 представлены результаты регрессионного анализа связи места рождения/проживания и вероятности занятости (модель М1). Результаты работы свидетельствуют о том, что переезд из села в город положительно связан с вероятностью занятости как для мужчин, так и для женщин. Однако для мужчин связь уровня занятости с миграцией выражена в значительно большей степени: в среднем при прочих равных переезд из села в город увеличивает вероятность занятости для мужчин на 10 п.п., а для женщин — на 5 п.п.

С точки зрения вероятности занятости городской рынок труда не различает работников, родившихся в селе и родившихся в городе. В городах вероятность занятости статистически не зависит от места рождения индивида.

Таблица 6. Результаты эконометрического анализа факторов вероятности занятости населения в возрасте 25–60 лет (модель М1), оценки коэффициентов

Фактор	Мужчины	Женщины
Миграция (базовая категория — Село → Село)		
Село → Город	0,646*** [0,231]	0,252* [0,148]
Город → Город	0,659*** [0,140]	0,235* [0,137]

Город → Село	0,447 [0,370]	0,017 [0,238]
Количество наблюдений	1579	1874

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г. *, **, *** — значимость на 10, 5 и 1%-ном уровне, в скобках приведены стандартные ошибки. Для краткости изложения в таблице не приводятся оценки коэффициентов при контрольных переменных (возраст, квадрат возраста, образование, регион проживания). Подробные результаты регрессионного анализа могут быть предоставлены по запросу.

Переезд из села в город не только увеличивает вероятность занятости на рынке труда, но и дает существенный выигрыш в заработной плате как для мужчин, так и для женщин. В таблице 7 представлены результаты регрессионного анализа связи миграции и заработной платы работников (модель M2)⁸. Результаты расчетов показывают, что мужчины, родившиеся в селе и проживающие в городе, в среднем зарабатывают на 21% больше, чем мужчины, родившиеся и живущие в селе. Зарплата женщин, родившихся в селе и проживающих в городе, в среднем на 25% больше, чем зарплата женщин, родившихся и живущих в сельской местности.

Однако, в отличие от вероятности занятости, городской рынок труда не уравнивает полностью уроженцев городов и сел. Городской рынок труда «штрафует» мужчин-уроженцев села — их заработная плата на 8% меньше, чем заработная плата уроженцев городов. В то же время заработная плата женщин, проживающих в городах, не зависит от их места рождения. Отчасти существование подобной гендерной вариации может быть объяснено особенностями структуры занятости — женщины чаще мужчин работают в бюджетном секторе, в котором различия в оплате труда в сельской и городской местности не так значительны, как в коммерческом секторе (например, Мальцева, Рошин, 2007; Лукьянова, 2022).

Таблица 7. Результаты эконометрического анализа факторов величины заработной платы (логарифм) работников 25–60 лет (модель M2), оценки коэффициентов

Фактор	Мужчины	Женщины
Миграция (базовая категория — Село → Село)		
Село → Город	0,193** [0,081]	0,222*** [0,069]

8. Для краткости в таблице показаны только результаты оценивания основного уравнения (уравнение заработной платы минсеровского типа). Результаты оценивания уравнения отбора в целом сопоставимы с результатами, полученными при оценивании связи вероятности занятости и миграции (модель M1), и могут быть высланы по запросу.

Город → Город	0,257*** [0,066]	0,221*** [0,047]
Город → Село	0,120 [0,098]	0,180* [0,098]
Количество наблюдений	1193	1205

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.
*, **, *** — значимость на 10, 5 и 1%-ном уровне, в скобках приведены стандартные ошибки. Для краткости изложения в таблице не приводятся оценки коэффициентов при контрольных переменных (возраст, образование, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, регион проживания). Подробные результаты регрессионного анализа могут быть предоставлены по запросу.

Доходы

В таблице 8 представлены результаты регрессионного анализа связи миграции и места рождения/проживания респондентов. Показано, что, как и в случае заработной платы, подушевые доходы домохозяйства людей, родившихся в сельской местности, но проживающих в городской, значимо превышают доходы людей, родившихся и живущих в селе. Величина эффекта составляет 37% для мужчин и 24% для женщин. Но, несмотря на значимую прибавку, доходы уроженцев села, проживающих в городах, остаются ниже доходов коренных городских жителей (на 18% для мужчин и на 14% для женщин).

Таблица 8. Результаты эконометрического анализа факторов величины подушевого дохода (логарифм) населения 25–60 лет (модель М3), оценки коэффициентов

Фактор	Мужчины	Женщины
Миграция (базовая категория — Село → Село)		
Село → Город	0,317*** [0,091]	0,212*** [0,073]
Город → Город	0,441*** [0,081]	0,325*** [0,051]
Город → Село	0,106 [0,147]	0,230** [0,101]

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.
*, **, *** — значимость на 10, 5 и 1%-ном уровне, в скобках приведены стандартные ошибки. Для краткости изложения в таблице не приводятся оценки коэффициентов при контрольных переменных (возраст, пол, образование, семейное положение, наличие несовершеннолетних детей, наличие пенсионеров в домохозяйстве, регион проживания). Подробные результаты регрессионного анализа могут быть предоставлены по запросу.

Для проверки устойчивости полученных результатов анализ всех моделей был повторен с использованием альтернативного показателя миграции, основанного на информации о типе местности окончания школы и типе местности проживания респондента. На качественном уровне полученные в работе выводы при переходе к этому показателю миграции сохраняются. Подробные результаты могут быть высланы по запросу.

Данные опроса не позволяют разделить сельскую местность на пригородную и периферийную. Полагаем, что, если бы это было возможно, результаты для жителей городов и сельской периферии были бы еще более контрастными, т.к. большинство жителей пригородных сел заняты на городских рынках труда.

Заключение

Несмотря на относительную стабилизацию доли сельского населения в России, миграционный отток из села в города продолжается, а обратный поток по-прежнему невелик (скорее — символический). В то же время масштабы оттока уже никогда не достигнут позднесоветских значений, т.к. демографический потенциал сельской местности сильно подорван, а во многих регионах — исчерпан.

При оценке роли миграции в изменении численности сельского населения необходимо учитывать, что приток населения в сельские пригороды камуфлирует убыль сельского населения на периферии. Только за 2011–2020 годы сельское население на периферии сократилось на 2,3 млн человек в результате внутренней миграции, а пригородное село приросло почти на 1 млн человек. Потери сельской периферии в результате миграции остаются на уровне 1% в год, и это — при уже сильно сократившемся миграционном потенциале. И надо понимать, что уезжает молодежь, а приток на периферию если и имеет место, то в основном в старших, предпенсионных и пенсионных возрастах (Mkrtchyan, 2019). Компенсирует потери селян и международная миграция, но — далеко не в полной мере. Одновременно на периферии способность удерживать население в значительной степени зависит от размера СНП. На локальном уровне сельско-городская и сельско-сельская миграция способствует концентрации населения в крупных и крупнейших сельских населенных пунктах.

Результаты эконометрического анализа показывают, что индивидуальные решения о переезде из сельской местности в город являются рациональными, экономически обоснованными. Миграция из села в город улучшает положение людей на рынке труда. Как для мужчин, так и для женщин — уроженцев сельской местности, вероятность занятости в городах значимо выше, чем в селе. Кроме увеличения шансов оплачиваемой занятости, переезд в город дает значимый выигрыш в заработной плате. При прочих равных уро-

вень заработной платы работников, родившихся в сельской местности и проживающих в городах, существенно превышает уровень заработной платы работников, родившихся и проживающих в сельской местности. Переезд в город связан не только с ростом заработной платы, но и с ростом подушевых доходов уроженцев сел.

Хотя переезд из села в город дает существенный экономический выигрыш, но различия уровня материального благосостояния уроженцев села и уроженцев городов не стираются полностью. В городе заработная плата мужчин, родившихся в сельской местности, ниже, чем заработная плата коренных жителей. Как для мужчин, так и для женщин, родившихся в сельской местности и проживающих в городах, уровень подушевых доходов домохозяйства ниже, чем у коренных горожан.

Выводы, сформулированные на основе количественного анализа, подтверждаются и результатами экспертных интервью. Информанты неоднократно отмечали возможности городского рынка труда с точки зрения вероятности занятости и карьерных перспектив как важный мотив миграции из села в город:

— *Мне кажется, что с высшим образованием, когда ты учишься в городе, у тебя больше возможностей для реализации в дальнейшем будущем (А., Иркутск).*

— *Самым первым фактором, естественно, у меня были перспективы работы... Если мы говорим именно про построение карьеры, то, естественно, в городах это сделать проще, потому что в деревне в той же, где я рос, этого сделать практически невозможно (А., Муром).*

— *Там перспективы, там зарплаты. ...Там в случае, даже если это место не понравилось, другое можно найти (экономика, Вадский МО).*

Значительная часть информантов считает, что именно заработная плата является основной причиной переезда из села в город. Данный мотив особенно важен для молодых людей:

— *Самая основная проблема для всей молодежи, которая уезжает, и тех взрослых, которые уезжают, — это только заработная плата. Было бы если б минимум 30 тысяч, и многие из молодежи и мои знакомые даже бы не уезжали (Большеболдинский ТО).*

— *Раньше после армии приходили, раньше у нас молодежь чаще всего устраивалась в СИЗО, молодые люди. И.: — Сейчас не хотят? — Сейчас уже да, у них неконкурентная заработная плата, уезжают чаще в город, устраиваются там в такси, предприятия крупные, там уровень заработных плат выше (экономика, Вадский МО).*

— *50 у нас тут не заработаешь. Ну хотя бы получать 35, вот это хотя бы сейчас было бы неплохо (Петровский ТО).*

Безусловно, факторов миграции из села в город много больше, чем рассмотрены в данной статье. Участники глубинных интер-

вью, например, говорили и о преимуществах городской инфраструктуры, образовательных возможностях городов, о значительно большей свободе жизненного выбора и возможностях поиска «своего» круга общения в городах, в отличие от села, и т.д. Однако именно карьера и зарплаты являются наиболее упоминаемыми в интервью как сельских управленцев, так и «образовательных» мигрантов.

В целом проведенное исследование показывает, что в настоящее время механизмов, которые могли бы переориентировать или остановить отток, особенно молодежи, из сельской местности в города, практически не существует. Переезд в города дает несомненный выигрыш в занятости, зарплате, доходах домохозяйств. Тем не менее мы полагаем, что искусственно ускорять этот процесс также не стоит. Вполне возможно, что вложения в инфраструктуру села позволили бы удержать там часть населения, по крайней мере, в старших возрастах, а также привлечь тех, кто привержен сельскому образу жизни и хотел бы иметь возможность возвратиться на свою малую родину, в том числе имея удаленную работу или свой бизнес.

Библиография

- Андреев Е. М. (2012). О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. № 11. С. 21-35.
- Егоров Д. О. (2022). Трансформация расселения и сети школ в сельской местности Республики Татарстан // Региональные исследования. № 1. С. 42-55.
- Егоров Д. О., Николаев Р. С. (2022). Основные этапы, направления и факторы реформирования школьной сети в сельской местности России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 4. С. 64-78.
- Зайончковская Ж. А. (1991). Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука.
- Зайончковская Ж. А. (1999). Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. № 4. С. 22-34.
- Зубаревич Н. В. (2013). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Серия географическая. № 3. С. 26-38.
- Иоффе Г. В., Нефедова Т. Г. (2001). Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 100-110.
- Иоффе Г., Нефедова Т. (2004). Фрагментация сельского пространства России // Вестник Евразии. № 4. С. 69-93.
- Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. (2019). Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 6. С. 82-89.
- Лукьянова, А. Л. (2022) Гендерный разрыв в оплате труда: за рамками декомпозиции Оаксаки-Блайндера [Электронный ресурс]: препринт WP3/2022/08. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Мальцева И. О., Рошин С. Ю. (2007). Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Миграция сельского населения (1970) / Под ред. Т. И. Заславской. М.: Мысль.
- Мкртчян Н. В. (2011). Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 28-41.

- Мкртчян Н. В. (2023). Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. — макрорегиональные особенности // Демографическое обозрение. Т. 10. № 3. С. 21-42.
- Мкртчян Н. В., Гильманов Р. И. (2023). Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы // Известия РАН. Серия географическая. Т. 87. № 1. С. 29-41.
- Нефедова Т. Г. (2008). Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. № 5(20). С. 14-30.
- Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. (2020). Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. Т. 7. № 2. С. 31-53.
- Овчинцева Л. А. (2022). Дезурбанизация: за и против // Крестьяноведение. Т. 7. № 1. С. 239-245.
- Покровский Н. Е., Никулин А. М. (2023). «Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств» // Крестьяноведение. Т. 8. № 2. С. 140-158.
- Рыбаковский Л. Л., Зайончковская Ж. А., Вишневецкий А. Г., Тольц М. С., Синельников А. Б., Журавлева И. В., Филиппов Ф. Р., Костаков В. Г. (1988). Население СССР за 70 лет. М.
- Ткаченко А. А., Смирнов И. П., Смирнова А. А. (2019). Трансформация сети центров сельского расселения в низовом районе Центральной России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 78-85.
- Фомкина А. А. (2017). Трансформация сельских систем расселения в староосвоенном Нечерноземье с конца XIX до начала XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 68-75.
- Чудиновских О. С. (2019). О пересмотре Рекомендаций ООН 1998 года по статистике миграции и российском контексте // Вопросы статистики. Т. 26. № 8. С. 61-76.
- Чучкалов А. С., Алексеев А. И. (2020). Эффект колеи в эволюции сельских населенных пунктов Республики Марий Эл // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 53-65.
- Шелудков А. В., Рассказов С. В. (2017). Карта многоукладности: пригородные и периферийные зоны Тюменской области // Крестьяноведение. Т. 2. № 1. С. 102-114.
- Florinskaya Y. (2017). School graduates from small towns in Russia: Educational and migration strategies // Studies on Russian Economic Development. Vol. 28. № 1. P. 87-96.
- Heckman J. (1979). Sample selection bias as a specification error // Econometrica. Vol. 47. № 1. P. 153-161.
- Mincer J. (1974). Schooling, Experience and Earnings. New York: Columbia University Press for National Bureau of Economic Research.
- Mkrтчyan N. V. (2019). Migration in rural areas of Russia: Territorial differences // Population and Economics. Vol. 3. № 1. P. 39-51.
- Pichler F. (2011). Success on European labor markets: A cross-national comparison of attainment between immigrant and majority populations // International Migration Review. Vol. 45. № 4. P. 938-978.

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа

Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative and qualitative analysis

Marina A. Kartseva, PhD (Economics), Deputy Head of the Institute for Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: kartseva-ma@ranepa.ru.

Nikita V. Mkrтчyan, PhD (Geography), Senior Researcher, National Research University Higher School of Economics; Institute for Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: nmkrтчyan@hse.ru.

Yulia F. Florinskaya, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute for Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; National Research University Higher School of Economics, Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: florinskaya-yf@ranepa.ru

Abstract. The authors consider the Russian rural-urban migration, focusing on its current trends. The migration loss of rural population has decreased slightly; however, the outflow from rural areas depends on multidirectional processes in suburbs and peripheral villages. According to the Russian Federal State Statistics Service, rural periphery continues to experience a strong migration decline, while the suburban village rapidly grows due to migration. Based on the microdata of the sociological survey "People, family, society" conducted by the INSAP RANEPa in 2023 and econometric techniques, the authors examined rural-urban migration as related to the labor market and income. The article shows that individual decisions to move from rural to urban areas are rational and economically justified, since such a migration improves one's position in the labor market, increases wage and per capita income. The identified motives for migration from rural to urban areas and its social-economic drivers were confirmed by a series of in-depth interviews conducted in the summer of 2023.

Key words: rural area, rural population, cities, rural-urban migration, employment, wage, income

References

- Andreev E. M. (2012) O tochnosti rezultatov rossijskikh perepisej naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On the accuracy of the results of Russian censuses and trust in different sources of information]. *Voprosy Statistiki*, no 11, pp. 21–35.
- Chuchkalov A. S., Alekseev A. I. (2020) Effekt kolei v evolyutsii selskikh naselennykh punktov Respubliki Mari El [The path dependency effect in the evolution of rural settlements in the Republic of Mari El]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 53–65.
- Chudinovskikh O. S. (2019) O peresmotre Rekomendatsiy OON 1998 goda po statistike migratsii i rossijskom kontekste [On the revision of the UN Recommendations on the Statistics of Migration (1998) and Russian context]. *Voprosy Statistiki*, vol. 26, no 8, pp. 61–76.
- Egorov D. O. (2022) Transformatsiya rasseleniya i seti shkol v selskoj mestnosti respubliky Tatarstan [Transformation of settlement pattern and school network in rural areas of the Republic of Tatarstan]. *Regionalnye Issledovaniya*, no 1, pp. 42–55.
- Egorov D. O., Nikolaev R. S. (2022) Osnovnye etapy, napravleniya i faktory reformirovaniya shkolnoy seti v selskoj mestnosti Rossii [Main stages, directions and factors of the school network reform in Russia's rural areas]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 4, pp. 64–78.
- Florinskaya Yu. (2017) School graduates from small towns in Russia: Educational and migration strategies. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 28, no 1, pp. 87–96.
- Fomkina A. A. (2017) Transformatsiya selskikh sistem rasseleniya v starosvoennom Nechernozemie s kontsa XIX do nachala XXI v. [Transformation of rural settlement systems in the old-developed Non-Black Earth area from the end of the 19th to the beginning of the 21st century]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 5, pp. 68–75.
- Heckman J. (1979) Sample selection bias as a specification error. *Econometrica*, vol. 47, no 1, pp. 153–161.
- Ioffe G. V., Nefedova T. G. (2001) Tsentri i periferiya v selskom khozyajstve rossijskikh regionov [Center and periphery in agriculture of Russian regions]. *Problemy Prognozirovaniya*, no 6, pp. 100–110.

- Ioffe G., Nefedova T. (2004) Fragmentatsiya selskogo prostranstva Rossii [Fragmentation of Russia's rural space]. *Vestnik Evrazii*, no 4, pp. 69–93.
- Karachurina L. B., Florinskaya Yu. F. (2019) Migratsionnye namereniya vypusknikov shkol mal'kh i srednih gorodov Rossii [Migration intentions of school graduates in small and medium-sized towns of Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 6, pp. 82–89.
- Lukyanova A. L. (2022) *Genderny razryv v oplate truda: za ramkami dekompozitsii Oaxaca—Blindera* [Gender Pay Gap: Beyond the Oaxaca—Blinder Decomposition]. Preprint WP3/2022/08, Moscow: Izd. dom VShE.
- Maltseva I. O., Roshchin S. Yu. (2007) *Gendernaya segregatsiya i trudovaya mobilnost na rossijskom rynke truda* [Gender Segregation and Mobility in the Russian Labor Market], Moscow: Izd. Dom VShE.
- Migratsiya selskogo naseleniya* [Rural Migration] (1970). (Ed. by T. I. Zaslavskaya), Moscow: Mysl.
- Mincer J. (1974) *Schooling, Experience and Earnings*, New York: Columbia University Press for National Bureau of Economic Research.
- Mkrtchyan N. V. (2011) Dinamika naseleniya regionov Rossii i rol migratsii: kriticheskaya otsenka na osnove perepisej 2002 i 2010 gg. [Population dynamics of Russia's regions and the role of migration: Critical assessment based on the 2002 and 2010 censuses]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 5, pp. 7–21.
- Mkrtchyan N. V. (2019) Migration in rural areas of Russia: Territorial differences. *Population and Economics*, vol. 3, no 1, pp. 39–51.
- Mkrtchyan N. V. (2023) Vnutrennyaya migratsiya v Rossii v 2010-e gg. — makroregionalnye osobennosti [Internal migration in Russia in the 2010s: Macroregional features]. *Demographic Review*, vol. 10, no 3, pp. 21–42.
- Mkrtchyan N. V., Gilmanov R. I. (2023) Dvizhenie vverh: migratsiya mezhdu urovnymi pose-lencheskoj ierarkhii v Rossii v 2010-e gody [Moving up: Migration between levels of the settlement hierarchy in Russia in the 2010s]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, vol. 87, no 1, pp. 29–41.
- Nefedova T. G. (2008) Rossijskaya periferiya kak sotsialno-ekonomichesky fenomen [Russia's periphery as a social-economic phenomenon]. *Regionalnye Issledovaniya*, no 5, pp. 14–30.
- Nefedova T. G., Treivish A. I. (2020) Polyarizatsiya i szhatie osvoennyh prostranstv v tsentre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye resheniya [Polarization and shrinkage of the developed space in the center of Russia: Trends, problems and possible solutions]. *Demograficheskoe Obozrenie*, vol. 7, no 2, pp. 31–53.
- Ovchintseva L. A. (2022) Deurbanizatsiya: za i protiv [Deurbanization: pro et contra]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 1, pp. 239–245.
- Pichler F. (2011) Success on European labor markets: A cross-national comparison of attainment between immigrant and majority populations. *International Migration Review*, vol. 45, no 4, pp. 938–978.
- Pokrovsky N. E., Nikulin A. M. (2023) “Proiskhodit i budet proishodit territorialnoe pereformatirovanie selskih prostranstv” [“There is and there will be territorial reformatting of rural spaces”]. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 2, pp. 140–158.
- Rybakovsky L. L., Zayonchkovskaya Zh. A., Vishnevsky A. G., Tolk M. S., Sinelnikov A. B., Zhuravleva I. V., Filippov F. R., Kostakov V. G. (1988) *Naselenie SSSR za 70 let* [Population of the USSR for 70 Years], Moscow.
- Sheludkov A. V., Rasskazov S. V. (2017) Karta mnogoukladnosti: prigorodnye i periferijnye zony Tyumenskoj oblasti [Mapping multistructural rural economy: Suburban and peripheral areas of the Tyumen Region]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1, pp. 102–114.
- Tkachenko A. A., Smirnov I. P., Smirnova A. A. (2019) Transformatsiya seti tsentrov selskogo ras-seleniya v nizovom rajone Tsentralnoj Rossii [Transformation of the rural settlement centers network in the municipal district of Central Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 78–85.

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа

- Zayonchkovskaya Zh.A. (1991) *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie* [Demographic Situation and Settlement], Moscow: Nauka.
- Zayonchkovskaya Zh.A. (1999) *Vnutrennyaya migratsiya v Rossii i v SSSR v XX veke kak otrazhenie sotsialnoj modernizatsii* [Internal migration in Russia and the USSR in the 20th century as a reflection of social modernization]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 22–34.
- Zubarevich N.V. (2013) *Transformatsiya selskogo rasseleniya i seti uslug v selskoj mestnosti* [Transformation of the rural settlement pattern and service network in rural areas]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 3, pp. 26–38.

Приложение

Таблица П1. Социально-демографические характеристики респондентов в выборке, 2020 г.

Характеристика	Доля в выборке, %
Пол	
Женщина	55,3%
Возраст	
Возраст, лет	41,8 лет
Группы:	
25 — 35 лет	32,8%
36 — 45 лет	30,2%
46 — 60 лет	37,0%
Образование	
Общее среднее	12,4%
Среднее профессиональное	44,1%
Высшее профессиональное	43,5%
Наличие детей	
Есть дети 0 — 7 лет	26,4%
Есть дети 8 — 17 лет	32,5%
Семейное положение	
Состоит в браке	83,1%
Тип местности проживания	
Сельская	20,4%

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.

Таблица П2. Социально-демографические характеристики респондентов в разрезе места рождения и места проживания, 2020 г.

Характеристика	Село→Село	Село→Город	Город→Город	Город→Село
Пол				
Женщина	57,2%	59,8%	53,9%	62,1%
Возраст				
Возраст, лет	43,5	43,7	41,1	42,3
Группы:				
25 — 35 лет	29,0%	29,1%	34,6%	27,4%
36 — 45 лет	26,4%	26,4%	31,2%	38,4%
46 — 60 лет	44,6%	44,5%	34,2%	34,2%
Образование				
Общее среднее	19,4%	14,4%	10,1%	21,7%
Среднее профессиональное	55,7%	51,4%	40,5%	46,6%
Высшее профессиональное	29,4%	34,2%	49,5%	31,8%
Наличие детей				
Есть дети 0 — 7 лет	26,7%	27,2%	26,1%	30,0%
Есть дети 8 — 17 лет	37,4%	31,5%	31,3%	37,4%
Семейное положение				
Состоит в браке	83,9%	80,8%	83,6	81,7%

Источник: Обследование «Человек, семья, общество», ИНСАП РАНХиГС, 2020 г.

*М. А. Карцева,
Н. В. Мкртчян,
Ю. Ф. Флоринская*
Сельско-городская
миграция в со-
временной Рос-
сии через призму
количественно-
го и качественного
анализа